

УДК 81'374

**ОПЫТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО
СЛОВАРЯ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА)***

Статья первая

И. В. Гладиллина, Е. Г. Усовик

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

Статья отражает опыт конструирования частного идеографического словаря писателя, ориентированного на интерпретацию ключевых компонентов его художественной философии. Материалом являются окказионализмы, встречающиеся в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. Строится идеографическая классификация, определяется наполняемость семантических групп, состав которых отражает особенности идеологии произведений и эстетической системы писателя. Каждый лексикографический слот сопровождается комментарием, содержащим семантизацию окказионального образования и достаточный контекст его употребления.

Ключевые слова: *лексикография, идеографический словарь, окказионализм, семантика, поэтика, художественная философия.*

При изучении творчества писателя наиболее объективным основанием реконструкции его художественной философии является словаростроение как один из способов исследования художественной речи, лексикографирование языкового массива текстов – полного (словарь языка писателя в целом) либо частного, отображающего язык отдельных произведений либо использование языковых единиц определенных типов. В нашем случае для лексикографирования избраны окказионализмы как такие индивидуально-авторские образования, в которых ближайшим образом отображаются эстетические принципы и художественная философия («идеология») как отдельных произведений, так и творчества писателя в целом. Поскольку в окказионализмах опредмечиваются наиболее значимые компоненты концептосферы писателя, то можно утверждать, что идеографическая систематизация авторских окказионализмов позволяет получить словарное отображение ядерной части концептосферы писателя в целом. Окказионализмы, как один из основных маркеров существенных компонентов концептосферы, в системе лексико-семантических средств художественного произведения репрезентируют не только «идеологию», художественную философию, но и выражают интенции автора, обуславливающие выбор тем, персонажей, другого языкового материала и т. д. Поэтому идеографическое описание окказиональной лексики дает возможность выхода на интенционально-прагматический уровень языковой личности – уровень «намерений», явных и скрытых целевых установок.

Идеографическая систематизация лексического (а следовательно, и текстового) материала в данной работе основывается на двуаспектном – семасиологиче-

* Выполнено в рамках проекта РГНФ 14-04-00528 «Словарь языка М. Е. Салтыкова-Щедрина».

ском и одновременно ономасиологическом [2] исследовании окказионализмов как феноменов индивидуально-авторского словотворчества. Исходный (базовый, «входной») семантический параметр членения лексического массива при этом может либо определяться индуктивно, как результат последовательного словообразовательного и лексико-семантического анализа, либо устанавливаться дедуктивно – задаваться извне индивидуально-авторской лексико-словообразовательной системы на основе предварительной оценки значимости ключевых идеологем художественной философии писателя. Результаты наших предыдущих исследований [4; 5; 6] позволяют утверждать, что в качестве семантически доминантного концепта (одновременно и максимально объемного концепта, то есть *макроконцепта*) творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина целесообразно усматривать идейно-художественную идеологему «Раздвоенная реальность». Определение *раздвоенный* в составе данного именованного исходного макроконцепта как ключевого семантического параметра идиотегауруса писателя отсылает к представлениям о человеке как «заблудившемся» в современном мире, где добро и зло, человек и зверь, правда и ложь нередко подменяют друг друга. «Человека заблудившегося» в латинизированной огласовке современная гуманитаристика компактно характеризует как *homo errans* (из лат. *errare* ‘заблудиться > заблуждаться, ошибаться; блуждать, бродить, скитаться’) или, иначе, как *homo zwischens* (< нем. *zwischen* ‘между, среди’). Это человек, «отягощенный противоречиями “междубытия”: между душой и телом, предопределенностью (“судьбой”) и свободой, греховностью и святостью и т. д.» [3, с. 90].

С одной стороны, человек погружен в обыденность повседневного обывательского существования, которая строится, по мысли Салтыкова-Щедрина, на обмане, отличается отсутствием достаточно строгих нравственных ориентиров, населена обезчеловеченными людьми, низведенными до уровня «зубосокрушителей», «кукол» и «зверей». С другой стороны, человеку доступна и вторая, «скрытая» под покровом повседневности духовная реальность как воплощение идеальных представлений о такой жизни, в которой добро и истина являются высшими ценностями. Представление о параллельности двух форм бытия пронизывает всю идейно-художественную систему Салтыкова-Щедрина: «...гоняясь за действительностью обыденною, осязаемою, он [читатель. – И. Г., Е. У.] теряет из вида другую, столь же реальную действительность, которая хотя и редко выбивается наружу, но имеет не меньше прав на признание, как и самая грубая, бьющая в глаза конкретность» [9, т. 8, с. 189]; «...я пользуюсь всяким темным намеком, всяким минутным изливанием и с помощью ряда усилий вступаю твердой ногой в храмину той другой, не обыденной, а скрытой действительности, которая одна и представляет верное для всесторонней оценки человека» [Там же, с. 191].

Макроконцепт «Раздвоенная реальность» в случае Салтыкова-Щедрина мы трактуем как структурирующий в рамках макродескриптора «Человек» идеографическую группу «Эмоциональные, волевые и интеллектуальные действия», связанную с восприятием действительности человеком, в составе данного концепта различаем две фасеты (смысловые зоны), в названиях которых оставляем щедринские номинации: «**Скрытая действительность**» и «**Обыденная действительность**» (синонимичный аналог этого именованного второй, данной в непосредственном наблюдении повседневной действительности – широкоупотребительное в щедриноведении именование «**Перевёрнутый мир**»).

Объём этих смысловых зон различен: доминирует смысловая зона «Обыденная действительность», при немногочисленности зоны «Скрытая действительность». Это связано с особенностями восприятия мира человеком. Он фиксирует прежде все-

го аномальные явления как систему отклонений от нормы, что можно представить в виде градационной шкалы аксиологических понятий. Норма находится не на середине шкалы, между «плохо» и «хорошо», а совпадает с положительной ее частью, то есть норма – это идеал. Ее достижение «есть цель, а не отправная точка. <...> Идентификация хорошего с нормой производится не относительно действительного, а относительно идеального состояния мира» [1, с. 12]. Вследствие сказанного в достаточно компактном виде может быть представлена первая группа – «Скрытая действительность», которая и является конкретным предметом данной статьи.

ЧЕЛОВЕК

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ, ВОЛЕВЫЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Исследуя художественную философию («идеологию») Салтыкова-Щедрина, мы опираемся на классификацию идеографической части «Комплексного учебного словаря. Лексическая основа русского языка» [8], которая представляется наиболее подходящей для исследования художественной философии («идеологии») Салтыкова-Щедрина. Однако лексикографическое отображение слота «Человек» в конструируемом нами идиотезаурусе писателя несколько отличается от порядка следования групп, принятого в указанном словаре, в силу особенностей реализации детерминантных связей в идеологической системе Салтыкова-Щедрина, которые сводятся к следующему.

1. На первом месте находится слот «Человек как разумное существо», поскольку именно душевный склад человека (его характер, нравственные ориентиры) и интеллектуальные действия и состояния (взгляды, образ мыслей) обуславливают его физическое состояние – жизнь, существование в различных формах (*человек, кукла, зверь, пустая бутылка* т. д.) и смерть как призываемое избавление от него.

2. По этой же причине в нашем словаре группа «Интеллектуальные действия и состояния» следует не перед группой «Душевный склад», а за ней, так как именно осознание человеком себя и его нравственная сущность определяют интеллектуальную деятельность.

3. Необходимо принять во внимание и то, что группа «Эмоциональные, волевые и интеллектуальные действия» не подразделяется на отдельные подгруппы, такие как «Эмоции / чувства», «Воля», «Интеллектуальные действия и состояния», так как все компоненты в восприятии действительности щедринскими героями являются нечленимой триадой, хотя в когнитивном отношении в ней преобладают эмоции и чувства, что подкрепляется и точкой зрения писателя на оппозицию «народ и власть», в которой первый компонент он разделял на народ исторический (пассивный) и народ демократический (некое представление об идеальном народе): «Как ни замечательна эта теория, но верить ей ни под каким видом не следует, ибо она основана на двух очень крупных недоразумениях. Во-первых, критик не различил исторического народа от народа, как воплотителя идеи демократизма. Между тем различие это весьма существенно. Первый, то есть исторический народ, всегда и везде оценивается и приобретает сочувствие по мере дел своих; стало быть, ежели он производит героев, подобных тем, каких изображает г. Лейкин, то о сочувствии ему не может быть и речи. Хороши обремененные и труждающиеся, которые всякую попытку в смысле сознательности считают чуть не посягательством на общественное спокойствие! Попробуйте-ка простереть им объятия, и вы, наверное, убедитесь, что, вместо лобзания, они произведут укушение – и ничего больше. Что же касается до “народа”, рассматриваемого во втором смысле, то ему действительно не сочувствовать нельзя, но не потому, что он представляет нечто “малое”, возбуждаю-

шее сострадание, а потому, напротив, что в нем воплощается безгранично великое. В этом “народе” замыкается начало и конец всякой индивидуальной деятельности; следовательно, несочувствие к нему, исходящее от отдельного индивидуума, равносильно несочувствию самому себе» [9, т. 9, с. 424].

СКРЫТАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Человек как разумное существо

ДУШЕВНЫЙ СКЛАД ЧЕЛОВЕКА

1.0. ХАРАКТЕР

1.1. Черты характера, отражающие отношение человека к себе

Не-ревизский

С концептом «Скрытая реальность» коррелирует представление о «народе демократическом», а с концептом «Обыденная реальность» – представление о народе историческом, который в силу своего характера сам продуцирует парадоксальные модели существования, поведения человека, такие, например, как бунт на коленях, и позволяет власти укреплять их, окончательно формируя в сознании народа подобные искажения как норму социальных отношений и морального состояния человека.

Но иногда в соответствии с положительным концом аксиологической шкалы писатель отмечает выламывающиеся из обыденной, привычной действительности единичные феномены в осознании человеком себя, тогда появляется *не-ревизский* человек – человек, служащий высоким общественным задачам, который, правда, быстро разрушается властью: «Крамольников торопливо ощупал себя. <...> ...в качестве ревизской души, он существует в том же самом виде, как и вчера. И за всем тем для него не подлежало сомнению, что его нет. Нет того *не-ревизского* Крамольникова, каким он осознавал себя накануне. <...> У него отняли главное, что составляло основу и сущность его жизни: отнята та лучистая сила, которая давала возможность огнем зажигать сердца других» [Там же, т. 16(1), с. 198].

1.2. Черты характера, отражающие нравственную сущность человека

Неподлежащее

Недолжный

1. *Неподлежащее* является специфической чертой характера человека в идиотезаурусе Салтыкова-Щедрина: «Как тут остановить наплыв лишнего в партикулярном мире, когда в своей собственной цитадели, куда ни вскинй глазами, – везде *лишнее* да *неподлежащее* так и хлещет через край!» [Там же, с. 64] (здесь и далее везде выделено нами. – И. Г., Е. У.).

Анализируемая лексема является контекстуальным синонимом лишнего, характеризующим определенную жизненную позицию. Например, после того как воблушку провялили на солнце, у нее не стало «...ни лишних мыслей, ни лишних чувств, ни лишней совести. <...>

– Всё у меня лишнее выветрили, вычистили и вывялили, и буду я свою линию полегоньку и потихоньку вести!» [Там же, с. 63].

Таким образом, под *лишним* и *неподлежащим* писатель подразумевает активную жизненную позицию человека и в первую очередь осознание им себя как личности, что влечет за собой стремление быть свободным, не угнетенным господствующей моралью и идеологией всеобщей государственной благонамеренности и благонадежности (ср.: подлежать – «подвергаться, подчиняться, подпадать» [7, с. 181]).

2. Лексема *недолжное* является антонимом к *должное* в значении «то, что следует, полагается» [10, с. 424].

«Тогда он не выдержал. Забыв долг службы, весь в мыле, он устремился к обольстительнице и ухватил ее поперек талии. <...> Но Изуверов угадал мои опасения и поспешил успокоить меня.

– Не извольте опасаться, вашескорodie! *недолжного* ничего не будет! – сказал он в ту минуту, когда, по-видимому, ничто уже не препятствовало осуществлению крамолы» [9, т. 16(1), с. 109].

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ И СОСТОЯНИЯ

1.0. Интеллектуальные действия. Речевые акты

Антибред

Антибрeдить

Антибрeдни

Данные лексемы зафиксированы в «Письмах к тетеньке» и встраиваются в антонимические пары *бред* – *антибред*, *брeдить* – *антибрeдить*, *брeдни* – *антибрeдни*, в которых вторые компоненты в контексте произведения являются семантическими окказионализмами – скрипторами «обыденной действительности»: *брeдить* – «думать или говорить о тривиальном, общеизвестном, выдавая его за истинные знания»; *бред* – «о чем-либо банальном, обыденном»; *брeдни* – «рассуждения о тривиальном». При сопоставлении с языковыми значениями данных лексем – «говорить бессвязно и непонятно», «бессмысленная речь, несуразное», «фантастические, нелепые, странные мысли или речи» [10, с. 114] – можем наблюдать, как их коннотации (оценочные ореолы) создают семантическую полифонию в тексте, одновременно нивелируясь (оценка обывателя, человека «обыденной действительности») и приобретая крайне отрицательные характеристики (оценка автора и человека «скрытой реальности»).

Таким образом, щедринские окказионализмы реализуют в контексте положительную коннотацию: «Подумайте, милая! Сегодня Дыба покажет, где раки зимуют, завтра – куда Макар телят не гонял, послезавтра – куда ворон костей не заносил, а в заключение объяснит, как Кузькину мать зовут! Вот сколько наук!» [9, т. 14, с. 254]; «Стало быть, во всем должна быть мера, милая тетенька. Мера – в парении чувств и мыслей и мера – в предательстве. Так что ежели который человек всю жизнь “брeдил”, а потом, по обстоятельствам, нашел более выгодным “*антибрeдить*”, то пускай он не прекращает своего бреда сразу, а сначала пускай потише бредит, потом еще потише, и еще, и еще, и, наконец – молчок! Тогда он уж бесстрашно может, на всей своей воле, *антибрeдом* заняться, и все будут говорить: “Из какого укромного места этот безвестный рыбарь явился? что-то мы его как будто прежде не замечали!” А между тем – он самый и есть!» [Там же, с. 256].

2.0. Интеллектуальное состояние. Образ мыслей. Мнение. Точка зрения

Многомыслие

В «Истории одного города» наличествует шесть словоупотреблений лексемы *многомыслие*, причем четыре из них – в синтагме «градоначальническое многомыслие» как характеристике нежелательных действий административного лица. Значение окказионального слова – «наличие нескольких взглядов, оснований для произведения разных действий» – реконструируется в контексте при сопоставлении с антонимом «единомыслие» (ср.: «*Единомыслие*... Одинаковый образ мыслей в чем-л., согласие во взглядах» [10, с. 463]):

«Необходимо, дабы между градоначальниками царствовало *единомыслие*. Чтобы они, так сказать, по всему лицу земли едиными устами. О вреде *градоначальнического*»

чальнического многомыслия распространюсь кратко. Какие суть градоначальников права и обязанности? – Права сии суть: чтобы злодеи трепетали, а прочие чтобы повиновались. Обязанности суть: чтобы употреблять меры кротости, но не упускать из вида и мер строгости.

<...> Нет, не в равной. Вору следует предоставить трепетать менее, нежели убийце; убийце же менее, нежели безбожному вольнодумцу. Сей последний должен всегда видеть пред собой пронзительный градоначальнический взор, и оттого трепетать непрерывно. Теперь, ежели мы допустим относительно сей материи в градоначальниках *многомыслие*, то, очевидно, многое выйдет наоборот, а именно: безбожники будут трепетать умеренно, воры же и убийцы – всеминутно и презестокко. И таким образом упразднится здравая административная экономия и нарушится величественная административная стройность! Но последуем далее. Выше сказано: “прочие чтобы повиновались” – но кто же сии “прочие”?» [9, т. 8, с. 424].

3.0. Эмоциональное действие/состояние

Страдалица-мать

Персонаж сказки «Деревенский пожар», женщина, потерявшая в огне ребенка, испытывающая подлинно глубокое чувство страдания в отличие от мнимого сочувствия Верочки и ее матери – поместных дворян:

«– Жаль бедную; но какая ты, однако ж, нервная, Вера! – упрекнула ее Анна Андреевна. – Это не годится, мой друг! Везде Промысел – это, прежде всего, нужно помнить! Конечно... это большая утрата; но бывают и не такие, а мы покоряемся и терпим! Помнишь: крах Баймакова и наш текущий счет... Давал шесть процентов... и что ж! Впрочем, соловья баснями не кормят. Господа! – обратилась она к окружающим, – сделаемте маленькую коллекту в пользу бедной *страдалицы-матери!*» [Там же, т. 16(1), с. 187].

Человек как живое существо

ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

1.0. Фазы человеческой жизни

Смерть-избавительница

Данное окказиональное аппозитивное сочетание номинирует желаемый финал жизни человека, осознавшего себя как личность, всю преступность своего существования, находящегося в конфликте с должным (идеалом, кем он должен быть) и сущим (реальным, кто он есть) и драматично переживающим непонимание окружающих, травлю с их стороны. Такой человек ярко представлен в образе бедного волка из одноименной сказки:

«Именно проклятый. Ну, как-таки только затем жить, чтобы убивать и разбойничать? Положим, несправедливо его проклинают, нерезонно: не своей волей он разбойничает, – но как не проклинать! Сколько он зверья на своем веку погубил! сколько баб, мужиков обездолил, на всю жизнь несчастными сделал!

<...> И начал он звать смерть. “Смерть! смерть! хоть бы ты освободила от меня зверей, мужиков и птиц! Хоть бы ты освободила меня от самого себя!” – день и ночь выл он, на небо глядячи.

<...> Наконец смерть сжалилась-таки над ним. Появились в той местности “лукаши”, и соседние помещики воспользовались их прибытием, чтоб устроить на волка охоту. Лежит однажды волк в своем логове и слышит – зовут. Он встал и пошел. Видит: впереди путь мехами означен, а сзади и сбоку мужики за ним следят. Но он уже не пытался прорваться, а шел, опустив голову, навстречу смерти...

И вдруг его ударило прямо между глаз.
– Вот она... *смерть-избавительница!*» [Там же, с. 43–44].

Человек в обществе
Отношения в обществе
МОРАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

1.0. Моральные категории и состояния

Обличительница-совесть

«Не-ревизские» люди живут по совести. Поэтому в качестве скриптора группы «Моральные категории и состояния» выступает окказионализм *обличительница-совесть*: «Исчезли досадные призраки, а вместе с ними улеглась и та нравственная смута, которую приводила за собой *обличительница-совесть*» [Там же, т. 16(1), с. 14].

Само понятие совести связано с концепцией раздвоенности действительности в творчестве Салтыкова-Щедрина. В обывательской жизни совесть не входит в систему нравственных ценностей общества: «Всякий швырял ее [совесть. – И. Г., Е. У.] как негодную ветошь, подальше от себя: всякий удивлялся, каким образом в благоустроенном городе и на самом бойком месте может валяться такое вопиющее безобразия» [Там же].

Однако, по мысли автора, совесть – это то, что позволяет человеку не потерять себя, ее отсутствие низводит его до уровня деградации: «Совесть пропала вдруг. Люди остервенились, пошли грабежи и разбои, началось вообще разорение» [Там же].

В связи с этим неслучайно появление элемента *обличительница* в рассматриваемом аппозитивном сочетании. Именно совесть пробуждает в человеке самосознание, разоблачает ложность окружающей действительности и раскрывает настоящее, истинное положение человека. Когда один из персонажей сказочного цикла поднял с пола тряпицу-совесть, то «память без пощады извлекла из тьмы постыдного прошлого все подробности насилий, измен, сердечной вялости и неправд; воображение облекло эти подробности в живые формы. Затем сам собой проснулся суд. <...> Жалкому пропойцу всё его прошлое кажется сплошным безобразным преступлением. Он не анализирует, не спрашивает, не соображает: он до того подавлен вставшею перед ним картиною его нравственного падения, что тот процесс самоосуждения, которому он добровольно подвергает себя, бьет его несравненно сильнее и строже, нежели самый строгий людской суд» [Там же].

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык: К проблеме языковой «картины мира» // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.
2. Волков В. В. Аспекты изучения русского словообразования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2004. № 1. С. 84–88.
3. Волков В. В. Семантическое ядро концепта «Человек» в зеркале латинских и латинизированных именованных // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 1. С. 83–92.
4. Гладиллина И. В., Усовик Е. Г. Индивидуальные образования как один из слотов авторского словаря // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 175–183.
5. Гладиллина И. В., Усовик Е. Г. Окказионализмы как ключевые элементы реконструкции концептосферы автора // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. С. 147–157.

6. Гладилина И. В., Усовик Е. Г. Окказионализм как сигнал интертекстуальности (на материале романов М. Е. Салтыкова-Щедрина и Т. Н. Толстой) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 1. С. 115–122.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. М. : Рус. яз., 1999. 684 с.
8. Лексическая основа русского языка : комплексный учебный словарь / под ред. В. В. Морковкина. М. : АСТ : Астрель : Транзиткнига, 2004. 872 с.
9. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. : в 20 т. М. : Худож. лит. Т. 8. 1969. 616 с. ; Т. 9. 1970. 648 с. ; Т. 14. 1972. 704 с. ; Т. 16 (1). 1974. 526 с.
10. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 1 / гл. ред. А. П. Евгеньева. М. : Рус. яз. 1986. 736 с.

**AN ESSAY IN THE MAKING OF THE IDEOGRAPHIC DICTIONARY
OF OCCASIONALISMS (ON THE MATERIALS
FROM M. E. SALTYKOV-SCHEDRIN'S WORKS)**

Article 1

I. V. Gladilina, E. G. Usovick

Tver State University
the Department of the Russian Language

The objective of the article is the making of the ideographic dictionary. The materials of the study comprise the occasionalisms found in the texts by M. E. Saltykov-Schedrin. Semantic groups were classified, their content being brought into correlation with the ideology conveyed in the texts and the aesthetic system the writer adheres to. Every lexicographic slot is followed by a commentary which includes the semantization of the occasionalism under study, as well as the sufficient context of its use.

Keywords: *lexicography, ideographic dictionary, occasionalism, semantics, poetics.*

Об авторах:

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: igladilina@yandex.ru.

УСОВИК Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: elena_usovik@mail.ru.

About the authors:

GLADILINA Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Head of the Department of Russian Language, Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: igladilina@yandex.ru

USOVIK Elena Grigorevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language, Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: elena_usovik@mail.ru.